

П Ь Я В К О

Владислав Иванович

СЕГОДНЯ в коллективе Большого театра большое и радостное событие — Владиславу Пьявко присвоено почетное звание народного артиста РСФСР.

Если оглянуться назад и проследить творческий путь молодого певца, то мы увидим, как от студента ГИТИСа, через стажерскую группу Большого театра и театра Ла Скала, через участие во многих международных конкурсах, через исполнение сначала партий второго положения, а вскоре и главных, ведущих В. Пьявко заслужил это признание. Сам Владислав Пьявко говорит, что эти «эпизодические роли служили мне как бы своеобразной лабораторией вокально-сценического эксперимента, где я приобрел навыки именно оперного артиста!» Вместе с тем, добавим мы, он приобрел и редкую для молодого певца мудрость петь только то, что полностью отвечает его вокально-сценическому дарованию.

В. Пьявко поет в Большом театре практически все, что он должен петь. Его первая крупная партия в театре — Пинкертон в опере Д. Пуччини «Чио-Чио-Сан». Я помню, как нам всем нравились в этой роли «верха» молодого певца и несколько настораживала «середина». Но прошли годы, проделана была огромная работа, и мы уже читаем в рецензиях: «Раскрылись великолепные качества его голоса — это крепкий, мужественный драматический тенор, красивый и ровный на всем диапазоне, свободный на верхних нотах, с крепкой убедительной серединой». Да, время, труд, работа сделали свое дело, и В. Пьявко, преодолев свои недостатки, своей творческой работой, своим отношением к делу практически подтвердил мысль о том, что «артист формируется в театре».

В. Пьявко, репетируя новую роль (а они у него последние годы все сложнее и ответственнее), не просто учится правильно и красиво петь, но и стремится создавать на сцене Большого театра полноценные музыкально-сценические роли. Хозе и Радамес, Туча и Самозванец, Водемон и Князь в «Русалке», Андрей Хованский и — вершина для драматического тенора — Герман в «Пиковой даме». А ведь на творческом пути В. Пьявко было и немало таких «подводных течений», о которые у иного артиста разбилась бы не одна ладья, например, спеть в Большом театре Германа только один раз и сейчас же выехать в США, где петь эту партию во второй раз в жизни! В. Пьявко это сделал и заслужил высокую оценку прессы.

Долгое время В. Пьявко был практически единственным исполнителем в Большом театре труднейших для певцов партий Радамеса в «Аиде» и Манрико в «Трубадуре». Этого, конечно, не смог бы достичь скромный студент ГИТИСа, если бы он систематически и разумно не работал бы над развитием своего голоса, всех своих незаурядных артистических данных. Немало помогло ему и стажирование в Италии. В. Пьявко сумел при стажировке в Ла Скала взять из итальянской вокальной школы основные традиции оперного исполнительства и творчески претворить их, соединив с основами русской сцены применительно к своему голосу.

Однажды после гастрольного выступления в Югославии пение артиста оценили так: «Пьявко, воспитанный на лучших традициях итальянской вокальной школы, — писала газета «Ворба», — к своей музыкальности прибавляет свежесть сценического исполнения и юношеский шарм. Он взял из итальянской оперной практики только блеск самого высокого тона, избегнув стандартных и скоропреходящих эффектов. Пьявко демонстрирует противоположную школу, которая характеризует не только славянское

понимание бельканто, но и цельное и современное толкование Верди и Пуччини».

Да, В. Пьявко в дружбе с Верди и Пуччини! Напомним, что еще на Международном конкурсе имени П. И. Чайковского, где Владислав стал лауреатом, он удивил жюри тем, что, будучи нездоровым, все же спел труднейшую арию Калафа из оперы Д. Пуччини «Турандот» — спел с великолепным верхним «си»! А Манрико, роль, об исполнении которой В. Пьявко Б. Э. Хайкин писал: «У него замечательный голос, насыщенный звук, на верхние ноты он идет «в охоту», без затруднений, «стретту» он поет в тоне. Редчайший случай!»

Много и охотно поет В. Пьявко в операх советских композиторов. Еще его первая работа — небольшая партия Рыбака, а точнее одна лишь его ария «Березонька» в опере В. Мурадели «Октябрь», неизменно вызывает дружные аплодисменты зала. Затем В. Пьявко выступил в роли Радиста в опере К. Молчанова «Неизвестный солдат», Алексея в «Оптимистической трагедии» и наконец — Ноздрева в «Мертвых душах» Р. Шедрина. Работа над новым материалом — всегда творческий рост артиста, и здесь я особенно отмечаю участие в постановке оперы «Мертвые души», что дало основу для размышлений о работе над образом, о своем собственном пути артиста-певца.

В. Пьявко на сцене не просто поющий свою роль вокалист. Он ведет роль, наполняя ее таким звучанием, которое отвечает ситуации именно данной картины, данного акта оперы. Вот он Гришка Опреньев — роль очень удачная у В. Пьявко. Сцена «В келье». Вслушайтесь, сколько «любопытства» проявляет его Гришка в разговоре с Пименом об убитом царевиче. А в финале картины мы слышим дружную, уже металлическую интонацию, когда он произносит приговор Борису Годунову: «Как не уйдешь от божьего суда». В сцене «В корчме» — его Гришка весь насторожен: откуда ждать беды? А как он «кидает» в лицо Марине «Лжешь, гордая полячка!»

Да, к В. Пьявко пришло мастерство, вокальное умение. И почему же, если ты умеешь, не показать этого умения публике? И В. Пьявко делает весьма трудную для любого тенора попытку — сфигуровать верхнее сибеколь в заключительном дуэте с Аидой в сцене в подземелье. А ведь это очень трудно!

А в «Трубадуре» — он в каждой сцене, в каждой картине разный. Возьмем его призыв к Леоноре. В песне Трубадура в начале оперы певец импровизирует, воспевая Леонору, и поет свою сцену нежно, мягко. Стретту он поет задорно, призывно. А в темнице он снова призывает Леонору, с отчаянием взывая к невозможному! И все это не только интонацией, но и, как говорят на театре, сердцем.

Многие критики теперь, высказываясь о творчестве В. Пьявко, говорят и о том, что он хороший артист, умеющий работать над образом: «Он обладает комплексом качеств, счастливым для исполнителя драматического тенорового репертуара». Именно комплексом, а не амплуа.

А как умно он строит роль Каварадосси в «Тоске»! Я не говорю о его мастерстве владения пиано

в этой роли. Это — закономерность для певца, овладевшего умением петь тихо на любом участке голоса, в любой тесситуре. Я говорю о контрастности, на которой строит эту свою роль В. Пьявко. А эти качества даны далеко не каждому артисту.

Никогда мы не слышим у В. Пьявко в пении самолюбования своим голосом. Для него тембр голоса обязательно видоизменяется в зависимости от характера роли. И в этом ему помогает «актерская совесть». Сам артист говорит, что «профессия певца требует жесткой дисциплины во времени. На того, кто занят ею всерьез, она обрушивает комплекс небывало трудных задач. Великие певцы, которых я слышал, убедили меня в бесконечных возможностях человеческого голоса. Но они же и доказали, что культ звука — не вся правда о пении. Уберечь певца от рутины, фальши, пустоты на сцене может взыскательная актерская совесть, Критика, Публика, Партнеры». Вот в чем кредо Владислава Пьявко.

И сегодня мы гордимся, что оперная труппа Большого театра воспитала такого молодого народного артиста РСФСР, поздравляем и Владислава Ивановича, и театр с этой большой победой.

Анатолий ОРФЕНОВ.